

Двухтомный «Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков» А. К. Шагирова представляет собой первое в своем роде издание по младописьменным и бесписьменным автохтонным языкам Кавказа. Выход словаря открывает новую страницу не только для собственно адыгского или западнокавказского языкознания, но и всего кавказоведения, весьма бедного этимологическими исследованиями. Общекавказская значимость словаря обусловлена отнюдь не тем, что он представляет первый опыт подобного исследования младописьменного автохтонного кавказского языка, а его содержанием, кругом проблем, поднимаемого в нем. Устанавливая этимологию адыгских слов, А. К. Шагиров не ограничивает глубину исследования рамками западнокавказского хронологического уровня. В словаре находим большое число общекавказских и межгрупповых сравнений.

В процессе подготовки словаря к изданию А. К. Шагиров обобщил огромную литературу как по теме работы, так и по смежным специальностям. Надо отметить, что в данном случае такая работа представляла исключительно большие трудности ввиду отсутствия сводных изданий по вопросам историко-генетического и этимологического исследования кавказских языков вообще и западнокавказских языков в частности. Проанализированная автором специальная литература разбросана по бесчисленным изданиям, значительная часть которых труднодоступна для исследователя. Сбор, обобщение и критический анализ этой литературы высоко поднимает значение словаря.

Как известно, кабардинский и адыгейский языки весьма близки между собой и близость их граничит с взаимопониманием говорящих. Этимологическое исследование таких ближайше родственных языков, не располагающих древнеписьменными памятниками, сопряжено с большими трудностями. Родственные языки (абхазский, абазинский и убыхский) находятся в такой степени родства с адыгскими, что без специальных доказательств не всегда удается достоверно установить генетическое тождество их материала с адыгским.

Если оставить в стороне ранние опыты Н. Трубецкого и Ж. Дюмезиля¹, а также отдельные этимологические этюды Г. В. Рогавы², то специальные этимологические исследования стали достоянием западнокавказского языкознания совсем недавно, когда появились две статьи Г. А. Климова³.

Несмотря на отсутствие в адыгском языкознании специальных этимологических исследований, предпосылки для создания настоящего этимологического словаря были уже налицо благодаря успехам западнокавказской компаративистики и диалектологии. Автор рецензируемого этимологического словаря сам внес весомый вклад в развитие этих отраслей западнокавказского языкознания. Анализ опубликованных им работ приводит к выводу, что этот труд является закономерным результатом всей предшествующей его научной деятельности.

Обширные познания в области смежных языков помогли автору расширить круг привлекаемого материала. Налицо также широкое привлечение

¹ Ср. *Trubetzkoy N. Nordkaukasische Wortgleichungen. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXXVII, H. 1—2 (19); Idem. Remarques sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase septentrional. Mémoires de la société de linguistique de Paris, t. 25, f. 5 (1921); Dumézil G. Caucasiqne du Nord-west et parlers scythiques. — Istituto orientale di Napoli Annali, V (1963).*

² Ср. напр., *Рогава Г. В. К этимологии адыгейского слова Thəǰ 'бог'. — Иберийско-кавказское языкознание, II, 1948, с. 45—48.*

³ Ср. *Климов Г. А. Абхазско-адыгские этимологии. I (исконный фонд). — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 296—306; Он же. Абхазско-адыгские этимологии. II (заимствованный фонд). — В кн. Этимология 1966. М., 1968, с. 289—295.*

данных языковой типологии, диалектологии, истории, этнографии и других смежных наук. Обширный экстралингвистический фон не заслоняет собой собственно языковой материал и в этимологических объяснениях и играет только вспомогательную роль.

Отметив, что в прошлом, как и ныне, словосложение играло главную роль в образовании новых слов в адыгских языках, А. К. Шагиров избрал правильный путь анализа этимологизируемых основ. Выявляя производность многосложных основ, превратившихся в простые в результате полной утраты этимологических связей ее компонентами, автор выполняет работу, имеющую большое методическое значение. Адекватная историческая оценка словообразовательно-морфологической структуры основ западнокавказского типа позволила расчленить композиты на составляющие элементы.

Многие этимологические толкования автора рецензируемого словаря не только интересны, но и весьма оригинальны, несколько неожиданны, но всегда логичны (ср. *бжъакълуэ* 'рог', *бжъэпэ* 'выступ возвышенности', 'взгорье', *бэацэ / пырацэ, бырацэ* 'лохматый', 'мохнатый', *бжэп / пчэны* 'коза', *бжъыжь / бжыжьэ* 'осень', *бзаджэ* 'злой', 'хитрый', 'баловник', *бзэмылу* 'не знающий языка окружающих', 'говорящий на ломаном языке', *вагъуэ / жъуагъуэ* 'звезда' и др.

Без тонкого языкового чутья трудно обнаружить производный характер таких основ, как *пабжъэ* 'кустарник', 'кусты', 'заросли', 'бурьян'. Автор сумел дать убедительную этимологию этого слова, увязав элемент *па* < **пэ* с таким же деэтимологизированным словом родственных языков, выделенным им из исторических композитов (убых. *пэцуэ* 'отруби', *пэпIкIьэ* — то же самое, *пэсы* 'древесина бука'). Второй компонент данного композита автором увязывается с тем же элементом в словах *бжъэпэ* 'выступ возвышенности', 'взгорье', *бжъакълуэ* 'рог'. Исходным этимологическим значением он предполагает у этого слова 'то, что выдается, возвышается'. Такое же этимологическое значение следует находить и у восточнокавказских основ с корневым латеральным абруптивом *къ*, закономерно отвечающим адыгскому *жъ*⁴: **къаад*— 'скала', 'утес', 'круча', **ракъа* 'кость', **къа* 'ручка'.

Выявляя этимологию адыгских слов, А. К. Шагиров обогатил абхазско-адыгскую компаративистику целым рядом новых словарных сравнений, внес коррективы в ранее установленные соположения.

Словарные статьи характеризуются полнотой информацией: приведены все возможные значения основ, их различные фонетические варианты, библиографические сведения, связанные с этимологической разработкой, критический анализ существующих мнений. При привлечении убыхского материала делается ссылка на источник, что необходимо ввиду наличия определенного разнобоя в подаче убыхских слов в различных словарях и других изданиях. Автор уделяет должное внимание трудам своих предшественников, так или иначе коснувшихся генезиса и этимологических связей анализируемых основ. Объективно и на должном профессиональном уровне дает оценку их мнениям. Неприемлемые с его точки зрения мнения отвергаются вполне корректно.

Благодаря этимологическим разысканиям А. К. Шагинова, стало возможным рассмотрение под новым углом зрения генезиса целого ряда адыгских основ. Так, например, обнаружилось иноязычное происхождение многих адыгских лексических единиц, исконное происхождение которых до настоящего времени не подвергалось сомнению, например: *бэджыпэ* 'кисель', *догуэ* 'минутку', 'подожди', *бэагъ* 'деревянная лопатка для размешивания мамалыги, каши', *без* 'вошина' и др.

В тех случаях, когда иноязычное происхождение слова недостаточно очевидно, автор осторожно выражает свое мнение о заимствованном характере. Например, в отношении слова *бэлэрыгъып* 'потерять осторожность' указывает только на вероятность тюркского происхождения, что, как нам

⁴ Абдоков А. И. К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976, с. 52.

кажется, не лишено основания. Глагол *бэлэрыгъын* восходит к именной основе *бэлэрыгъ* 'беспечный', 'неосторожный'. Последняя в позиции адыгских языков мотивирована: *бэ* 'много', *лэ* — корень устаревшего глагола со значением 'обмануться' (убых. *лэ*, абх.-абаз. *жьа*- 'обманывать'), *рыгъ* — непродуктивный суффикс, производящий от глаголов основы в атрибутивном значении (ср.: *нэрыгъ* 'упрямый', 'настойчивый', где *нэ* — корень глагола 'застрясть', 'упереться'). Слово *бэлэрыгъ* 'беспечный', 'неосторожный' следует считать древним адыгским композитом с этимологическим значением 'многообманивающий', 'склонный к ошибкам, промахам'.

Но в некоторых случаях иноязычное толкование слов кажется натянутым. Толкуемое как тюркское заимствование кабардинское *джыдэ* 'топор' фонетически не восходит ни к одной тюркской форме (алт. *йыда*, шор., хакас., уйгур. *чыда* 'копье', 'пика', тур., чагат. *джыда* 'дротик'). Отмечаемая самим автором старая кабардинская форма, употребляемая и ныне старшими представителями носителей кабардинского языка, звучит как *гьыдэ*. На наш взгляд, слово является отглагольным именем. Элемент *гьы* этимологически связан с глаголом *йэпы-джы-н* < **йэ-пы-гьы-н* 'боднуть', 'ткнуть острым концом', *пы-джэ-н* 'бодаться', 'бить острым концом'. Корень без застывшего преверба сохранен шапсугским диалектом адыгейского языка: *гьа-хьы-н* 'полоть', 'обполоть' (элемент *хьы* указывает на действие вокруг чего-либо). Этимологические связи данного корня выходят за рамки адыгских языков. Ср.: вайнах. *йага* 'продолбить', 'долбить', *диг* 'топор', бацб. *дыкI*, табас. *йакI*, лак. *рыкI*, агул., лезг., цахур. *йакIв* — то же самое. Наличие абруптива *кI* вместо звонкого *г* в бацбийском и дагестанских — явление закономерное (ср.: адыг. *гуы*, вайнах. *дуог*, бацб. *дожI*, табас. *йукI*, лак. *дакIв*, агул. *йиркIв*, лезг. *рыкI*, цахур. *йикI* 'сердце'). Начальные *д*, *р*, *й* в восточнокавказских корреспонденциях являются окаменевшими классными показателями⁵. Элемент *дэ* в кабардинском **гьыдэ* следует считать орудным суффиксом, находимым самим автором в составе слова *Гэдэ* 'клещи', 'щипцы'. Этимологически его также следует увязать с показателем инструменталиса и эргатива в восточнокавказских — *-даI-д*.

Этимологизируя слово *джанэ / джан* 'рубашка', А. К. Шагиров приводит мнение В. И. Абаева о связи этого слова с индоевропейскими названиями конопли без каких-либо комментариев. Здесь можно было отметить возможную связь основы с глаголом *джэ-н* 'прять', имеющим параллели в восточнокавказских языках: вайнах. *йа-г-ар* 'плести', цез. *экIа* 'прять'. Этимологически *джанэ / джан* < **гьанэ* в прошлом означало, следует полагать, 'изделие из пряжи'.

Фонетическая и словообразовательно-морфологическая структура адыгских языков в основном сложилась в общеадыгский период. Видимо, по этой причине автор счел излишним возведение кабардинских и адыгейских форм к праязыковым формам. Хотя фонетические различия специально оговорены во вводной части словаря, желательно было бы указание в словарных статьях на исходность той или иной формы. В одних случаях кабардинские формы являются исходными (*махуэ / мафэ* 'день', *нагу / нэф* 'свет' и др.), а в других — адыгейские (*мафIэ / машIуэ* 'огонь', *вы / цуы* 'бык', *вэн / жьбуэн* 'пахать' и др.), в третьих — ни одна из форм не является исходной (*бжы / пчы* 'пика', *бжэ / пчээ* 'дверь', *дзэ / цэ* 'зуб' и т. д.). В последнем случае исходные формы сохранены бжедугским и шапсугским диалектами адыгейского языка, что желательно было отметить.

Можно указать на некоторую семантическую натянутость ряда этимологий. Так, автор допускает возможность связи адыгского *былым* 'крупный рогатый скот', 'богатство' (у автора 'скот', 'богатство', 'бестолковый', последнее значение явно метафорично) с тюркским *билим* 'знание'. *Былым* является древним адыгским производным словом и генетически связано

⁵ Мейланова У. А. Об отражении категории классов в именах существительных дагестанских языков. — Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагест. фил. АН СССР. Махачкала, 1964, с. 17.

с восточнокавказскими корреспонденциями: цез. *микъи*, бжгт. *бикъ*, арч. *бaкI* 'баран', хварш. *бекъе* 'баран', *бекъ* 'мелкий рогатый скот' (*къ* — латеральный абруптив). Восточнокавказские корреспонденции восходят к праформе **быкъ*₁ — (*къ*₁ — негеминированный коррелят латерального *къ*)⁶. Конечный *-м* в адыгских — непродуктивный суффикс со значением 'крупный' (ср.: *Іэм-л'ээм* 'верзила', от *Іэ* 'рука', *л'э* 'нога'; *ж'ээм-ш'ээм* 'простофиля', от *ж'э* 'рот', *ш'э* 'голова', *ч'Іэм-ш'ээм* 'дубина', 'крупная палка', от *ч'Іэ* 'конец', *ш'э* 'голова', 'верх', 'павершие'). Этимологически *былым* означало 'крупный скот'. Исходя из наличия перебоа *б — м*, с последним следует увязать и название овцы в адыгских — *мал* / *малы*, возводимое А. К. Шагировым к тюркскому *мал* 'скот', 'имущество', 'богатство'. Конечный гласный в адыгейском говорит в пользу исконности данной лексемы (ср. с заимствованными: *нал* 'подкова', *фарз* 'религиозный долг', *шьэч* 'сомнение' и т. д.).

Для иноязычной этимологии наличие звука *е* в адыгейском *пцели* 'ива', 'верба' является не очень убедительным аргументом. Этот звук отмечается в составе слов, исконность которых не подлежит сомнению (например: *пеушь* 'завтра', *некІуэ* 'пойдем' и др.). Элемент *песи*, входящий в состав ряда ботанических тюркских названий и этимологически связанный с *песи* 'киска', 'кошка', не может означать 'ива' в составе *песиле тал чыбыгы*. Последнее этимологически толкуется как 'прут кошачьей ивы'. Носителем значения 'ива' в тюркских выступает слово *тал*. Форма без *е* отмечена в наиболее архаичном из адыгейских шапсугском диалекте — **пцэлы* > *пцэлым*⁷. Адыгское *дзел* / *пцели* вряд ли следует отрывать от восточнокавказских форм: ахва. *муцІуІоли* < **бадзвал* — 'ива', годоб. *ццели* < **дзел* 'лоза', хиналуг. *дзыл* 'дерево'.

Тюркская этимология с опорой на ногайский и карачаево-балкарский материал без привлечения данных других тюркских языков, не подвергшихся влиянию адыгских, не обладает достаточной убедительной силой (*арджэн* 'циновка', *гуэгуыш* 'индейка', *армуу* / *армэу* 'лентяй', 'увалень' и др.).

Как первый опыт широкого этимологического исследования адыгских языков, рецензируемый словарь, безусловно, содержит ряд спорных этимологий, что хорошо осознает и сам автор. Однако подавляющее большинство предложенных этимологий не вызовет каких-либо острых дискуссий и будет принято специалистами. А. К. Шагилов предупреждает, что в ходе дальнейших разысканий будет уточнена этимология многих единиц.

Представляется необходимым внесение некоторых уточнений в отношении семантики некоторых слов. Так, слово *архъуанэ* / *архъуан* дано автором со следующими значениями: 'желоб близ мельницы для спуска воды, а также водоворот, образующий быстро стекающей по нему водой', 'омут'. Основным и почти единственным значением этого слова во всех адыгских диалектах является 'водоворот'. Не исключена этимологическая связь его с глаголом *ч'Іэрэхъуэ-н* 'крутиться', 'вращаться'. Конечный элемент *-нэ/-н* — непродуктивный локативный суффикс. Адыгейская форма *хъэрэгъуанэ* дает возможность видеть в начальном *хъэ* корень глагола *хъэ-* 'идти', *-р-* следует рассматривать как союз-связку между глагольными корнями 'идти' и 'вращаться', а конечный *-нэ* является непродуктивным локативным суффиксом. Возможно, предлагаемая здесь этимология несколько натягута, но и в таком случае не следует признавать правомерной связь *архъуанэ* / *архъуан*, *хъэрэгъуан*, *хъэрэгъуанэ*, *къэрэгъуан* с тюркским *арык* 'канава', заимствованный адыгскими в форме *арык'І*.

А. К. Шагилов правильно отмечает, что адыгское *дыгъуасэ* / *тыгъуас* этимологически может означать 'день'. Следует уточнить, что носителем

⁶ Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, с. 74; Он же. Смычногортанные аффрикаты прадагестанского языка. — ВЯ, 1958, № 4, с. 10—11.

⁷ Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957, с. 118.

значения 'день' здесь следует рассматривать элемент *дыгъуа- / тыгъуа-*, этимологически связанный с названием солнца *дыгъэ / тыгъэ* 'солнце'. Конечный *-сэ/-с* следует генетически увязать с восточнокавказскими: авар. *сон*, анд. *сун*, дарг. *сса*, арчин. *сангъи* 'вчера'. Таким образом современное адыгское *дыгъуасэ / тыгъуас* 'вчера' этимологизируется как 'день—вчера'. Аналогичную этимологию находят и в некоторых восточнокавказских языках: арчин. *сангъи*, цахур. *сан'ха* 'вчера—день'⁸.

Старое значение адыгского *бланэ* (соврем. 'лань') отмечено Ш. Б. Ногма: *бланагъ* 'зверство', *блане ш'гъигъе* 'по-зверски', *блалал* 'дичина', *блане* 'сильный'⁹. Он же приводит и значение 'джейран'. Есть основание полагать, что в северокавказских языках произошла контаминация названий свиньи и тура (джейрана, лани, оленя), различаемые еще языками цезской подгруппы: бект. *бул'о* 'свинья', *бил'о* 'олень', 'дичь', цез. *бел'о* 'свинья', *бел'и* 'тур', гунаиб. *бул'у* 'свинья', *бил'о* 'зверь', 'дичь'. Лакское *бурк'I*, лезгинское и цахурское *вак* генетически увязываются с працезским **бал'ва-* (наличие *в* в ласком при отсутствии в цезских и лезгинских — обычное явление, ср.: лак. *барэ*, цез. *буци*, цахур. *ваз* 'луна', лак. *баргъэ*, цез. *бух* 'солнце'). Семантически совпадая с цезским **бал'ва-* 'свинья', аваро-андийское *бол'юн* < **бал'ван* фонетически примыкает к другому цезскому слову **бал'ва-* 'зверь', 'дичь', 'олень', 'тур'. Именно этот факт дает основание для допущения, что в северокавказских языках произошла контаминация близких по форме, но различных по содержанию основ. Адыгское *бланэ* 'зверь', 'дичь', 'лань' фонетически увязывается с цезским **бал'ва-* 'свинья', а через него — с лакской и лезгинскими формами (для соответствия *л-л'и-к'и-к* см.: адыг. *лы*, цез. *рел'I*, лак. *дик'I*, лез. *йак* 'мясо', адыг. *мыл'к*, лак. *мик'I*, лезг. *мурк*, цахур. *мык* 'лед' и др.). Если допустить этимологическую связь форм *бланэ / бул'у / бурк'I / вак*, что фонетически и семантически вполне оправдано, следует отрицать связь адыгского *бланэ* 'зверь', 'лань', 'сильный' с тюркскими формами (тат., башк. *болан* 'олень', кумык., казах., *булан* 'лось', чуваш. *п'алан* 'олень', 'лось').

В этимологическом словаре А. К. Шагирова слов, толкование которых вызывает возражения, не так уж много. Моменты, вызывающие дискуссии, острые полемики, неизбежны для словаря такого объема, представляющего первый опыт широкого этимологического исследования родственных языков. Частные недостатки не могут заслонить собой достоинства словаря. Он будет хорошим справочником для специалистов по кавказским и другим языкам, окажет плодотворное влияние на дальнейший ход этимологического исследования западнокавказских (и не только западнокавказских) языков.

Будучи почти первым опытом этимологического исследования младописьменных адыгских языков, рецензируемый труд вызовет оживленную дискуссию. Недостаточная разработанность вопросов истории фонетической и грамматической системы адыгских языков способствует разному мнению специалистов. Заранее можно сказать, что оценка данного словаря специалистами будет несколько противоречива. Положительная или отрицательная оценка тех или иных положений рецензируемой работы будет во многом зависеть от степени эрудированности оппонента в различных областях знаний, необходимых для исчерпывающей и объективной оценки работы такого рода.

Однако трудно отказать автору «Этимологического словаря адыгских (черкесских) языков» в том, что его труд содержит очень много оригинальных выводов и тонких наблюдений, представляющих собой шаг вперед в разработке проблем генетического родства западнокавказских языков, обширную информацию, свидетельствующую о широком кругозоре автора.

А. И. Абдоков

⁸ Ибрагимов Г. Х. Явления природы и календарь. — Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971, с. 194.

⁹ Ногма Ш. Б. Филологические труды, т. 1. Нальчик, 1956, с. 138.